

В упоминавшихся уже заметках по физике и корпускулярной философии есть одно замечательное высказывание, относящееся не столько к физике, сколько к стилю научных сочинений вообще: «Те, кто пишут темно, либо невольно выдают этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют» (I, 145).

Сила логического мышления позволяла проникать Ломоносову в самые сокровенные тайны природы, «достигать во глубину земную разумом, куда рукам и оку досягнуть возбраняет натура» (V, 531), она позволила ему заложить основы научной атомистики — учения о мельчайших нечувствительных частичках, составляющих тела и определяющих их качественную природу. О каких-либо экспериментах в этой области во времена Ломоносова не могло быть и речи.

Строгая логичность умозаключений, теоретическая глубина и сила мысли сочетаются в научных сочинениях Ломоносова с необычной живостью и конкретностью изложения. Научная проза Ломоносова поражает какой-то особой живописной изобразительностью, картинностью, множеством тонко схваченных наблюдений, реалистических деталей, предметных зрительных образов, свидетельствующих о том, что Ломоносов в высшей степени обладал той «силой совоображения», о которой он говорил в «Риторике» и которая является необходимейшим качеством подлинного художника.

Общие и отвлеченные понятия, сухие силлогизмы часто выступают в его произведениях облеченными в живую плоть художественных образов. Так, например, в «Рассуждении о большой точности морского пути», говоря о выгодах и вместе с тем опасностях и трудностях мореплавания, Ломоносов разворачивает каждое из этих положений в ряде ярких эмоционально окрашенных картин: «Колебаться свирепого моря стремлением, зноем, жаждою, голодом утомляться, исчезать в горячке, заразиться моровою язвою, паче ж всего похищену быть в бешенство и между тем не знать известно пристани для прибежища и отдохновения, — есть не что иное, как живому лежать во гробе» (IV, 125).

Мысль о том, что в непогоду трудности кораблевождения и ориентировки корабля усугубляются, представлена в такой картине: «Но уже мрачная наступает погода, похищает из очей Солнце, Луну и Звезды, бесполезны остаются астрономические орудия, без которых самые точные и несравненным мастерством сделанные часы никуда не годны. Между тем буря стремительно корабль гонит, отвращают его с намеренного пути волны, ускоряется путь способным моря течением, противным — воспящается» (IV, 129).

«Рассуждение о большой точности морского пути», из которого приведены эти примеры, было предназначено для публичного